

Прибыв сюда в инвалидном кресле, обратно он возвращался на носилках. Юй Уцюэ был настолько измотан экзекуцией, что у него не осталось сил даже на пререкания. Он позволил Марионетке возиться с собой и притих, перестав даже жалобно стонать.

Хотя он и лишился половины своей жизни, наказание оказалось куда мягче того, что ждало бы его, попади он в руки Обителю Улян. Только теперь Юй Уцюэ понял, почему бабушка осталась в стороне и велела ему безропотно подчиняться.

Всем известно: в Море Совершенствования запретных техник немало. Одни из них — порождение тьмы, другие несут беды на столетия вперёд. Как только Обитель Улян объявляет технику запретной, её тайное изучение становится нарушением закона. Наказание — от удаления духовного корня до смертной казни. А если кто-то осмелится прикоснуться к запретным искусствам высшего порядка — Небесной Каре — то, к какой бы секте он ни принадлежал, его ждёт публичная казнь для устрашения остальных.

Шансянь Тайвэй, конечно, славился жестоким нравом, но и лишённым сострадания его назвать было нельзя. Не доложив о преступлениях Юй Уцюэ, а просто закрывшись в покоях и хорошенько его отлупив, он по сути тайно выгородил своего ученика.

Поняв это, Юй Уцюэ стал куда покладистее. Обида на Хэ Бугуя по большей части улетучилась, и даже если бы его ждали новые наказания, он уже не посмел бы пререкаться.

Вот только одно не давало ему покоя: почему запретная техника такого уровня возникла в его сновидениях из ниоткуда? Она проявилась так ясно, что, проснувшись, он уже почти полностью её усвоил. Хэ Бугуй упоминал лишь об опасности запретных техник, но ни слова не сказал об их происхождении. Если в будущем ему снова приснится нечто подобное и явится новый метод — учить его или нет?

Не учить — жалко. А если учить, то, если сон — не воля небес, а чьё-то вмешательство, почему выбрали именно его?

Нужно будет расспросить Хэ Бугуя, вяло подумал Юй Уцюэ.

Только вот сейчас, когда старые раны наложились на новые, он не сможет встать с кровати раньше, чем через четыре-пять дней.

— О-о-о...

— Молодой господин, не шевелитесь. Это лекарство Кунчжи принёс по приказу хозяина, — Ся Сы придержал его, бережно нанося мазь. — Мажьте трижды в день, такие раны заживут за пять дней.

Юй Уцюэ уткнулся лицом в подушку и глухо спросил:

— К чему такая спешка? Всё равно с горы мне не сойти, буду лечиться не торопясь. Такое дорогое снадобье мне всё равно не оплатить.

Кунчжи вошёл в комнату, ведя за собой вереницу Марионеток с вещами. Он подошёл к Юй Уцюэ, поставил отвар и тщательно осмотрел раны. Юй Уцюэ ухватил его за рукав:

— Кунчжи, Шансянь действительно запретил мне спускаться с горы?

— Я не знаю, — честно ответил Кунчжи. — У хозяина свои соображения. То, что молодой господин не может покинуть Парящий Дворец, пойдёт вам на пользу. Вот ваши вещи, всё доставили.

Утром это были только туалетные принадлежности и сменная одежда, а к вечеру Гуань Ся, похоже, решила вывезти всю комнату Юй Уцюэ — шкатулки ручной работы, ларцы со всяким хламом, детские деревянные игрушки и даже та самая начатая тарелка с засахаренными финиками, что стояла на столе.

Гуань Ся своими действиями словно кричала Юй Уцюэ: «Вали отсюда поскорее».

Когда Ся Сы и остальные закончили наводить порядок, Кунчжи выпроводил их, а сам сел на край кровати, поправляя одеяло Юй Уцюэ:

— В спальне всё готово. Хозяин не давал распоряжений на ближайшие пять дней, так что отдыхайте и поправляйтесь. Через пять дней я приду за вами.

— Как насчёт Кунда? Могу ли я что-то сделать? Похоронить, поставить памятник или почитать сутры?

Хотя Юй Уцюэ лежал пластом, словно калека, тон его был полон искренности.

— Это я ударил слишком сильно и погубил его. Разве его супруга не осталась в живых? Есть ли способ добиться его прощения? Иначе как быть с Горой Чицзинь?

Из уст Чан Юньцина он слышал, что извержение на Горе Чицзинь — дело первостепенной важности, но Хэ Бугуй во время порки не обмолвился об этом ни словом. Однако Юй Уцюэ не был настолько бесчувственным, чтобы натворить дел и умыть руки.

— Душа А-Куня не рассеялась, так что смертью это не назовёшь.

Видя, что Юй Уцюэ, даже будучи в таком плачевном состоянии, продолжает беспокоиться, Кунчжи смягчился и утешил его:

— Молодой господин, просто поправляйтесь. Хозяин сам уладит дела с Горой Чицзинь, вам не о чем волноваться.

И правда, даже будь он здоров, он бы не смог помочь. Просто совестно, что доставил другим столько хлопот. Юй Уцюэ послушно кивнул, внимая наставлениям.

— Осколки Марионеток переданы вам. Когда окрепнете, распорядитесь ими сами. Если понадобятся инструменты или материалы, скажите мне. В Парящем Дворце чего-чего, а добра для починки Марионеток в достатке.

Юй Уцюэ замер:

— Шансянь Тайвэй разрешает мне снова возиться с Марионетками? Он... не говорил ничего, когда осматривал их?

— Хозяин сказал: Раз уж мы оба любим подобные вещи, к чему уничтожать плоды чужого труда? Раз вы создали их своими руками, значит, не могли так просто выбросить.

Истинный мастер всегда поймёт того, кто тоже является Мастером Янь.

На душе у Юй Уцюэ стало легче, и он мягко откинулся на подушки:

— У меня есть ещё одна просьба. Можно ли вернуть мне те души?

— Какова причина?

Юй Уцюэ печально произнёс:

— Эти кролики выросли у меня на глазах. Помёт за помётом, от рождения до смерти — я был с ними рядом. Они не хотели покидать Дворец Тяньцзи, поэтому я поместил их в Марионеток. Если их души не могут переродиться и рискуют превратиться в злых духов, я хотел бы помочь им рассеять скверну.

Кунчжи замолчал. На мгновение он застыл, как сломанная кукла, но вскоре его взгляд снова прояснился, и он с улыбкой ответил:

— Хозяин дал добро. Сейчас пойду и принесу их.

— Передайте Шансянь Тайвэю мою благодарность. Когда поправлюсь, поблагодарю лично.

Юй Уцюэ удовлетворённо улёгся. Раз уж всё так обернулось, он готов смиренно принять

наказание. Перед тем как прикрыть дверь, Кунчжи добавил:

— Редко какие Марионетки удостоиваются внимания хозяина. Хотя те экземпляры сильно повреждены, молодой господин, в них видна рука настоящего мастера.

— Правда? Шансянь Тайвэй... правда похвалил меня?

Юй Уцюэ вновь распушил хвост от гордости, а Кунчжи лишь рассмеялся и кивнул:

— У вас огромный талант, молодой господин. Постарайтесь его не растратить.

...

В это же время, в главном зале Парящего Дворца.

Шансянь Тайвэй Бай Шуцзин отложил в сторону свой меч, засучил рукава и поставил перед Хэ Бугуем тарелку с изысканными сладостями:

— Специально для тебя принёс, иди скорее ешь.

Хэ Бугуй не повёлся на это и отвернулся:

— Нет аппетита.

Бай Инчи поднёс лакомство к его губам:

— Пирог из боярышника возбуждает аппетит. Давай, шисюн тебя покормит.

Неизвестно, мыл ли он руки, но Хэ Бугуй нехотя открыл рот, съел кусочек кисло-сладкого пирожного, и выражение его лица стало чуть мягче.

<http://bllate.org/book/21954/2281018>